

В. А. Шкерин

Спор двух генералов о крепостном праве

Лица, причастные к движению декабристов, но оставившие его не позднее самороспуска Союза благоденствия (1821), как правило, избежали наказания. Исключения были (Ф. Н. Глинка, П. Х. Граббе, Г. А. Перетц и др.), но для продления содержания в крепости, повторного ареста или высылки на жительство в отдаленные губернии имелись дополнительные причины. Обычно же расследование для таких лиц завершалось высочайшими резолюциями: «оставить без внимания» либо освободить с «оправдательным аттестатом»¹. Учитывая, что вышедшие из процесса «чистыми от подозрений» составили половину всех привлеченных (290 чел.)², одним из важных результатов движения декабристов можно признать воспитание значительного числа либерально-ориентированных чиновников, общественных и государственных деятелей второй четверти и середины XIX в.³

Судьбы Владимира Андреевича Глинки (1790–1862) и Ивана Онуфриевича Сухозанета (1788–1861) во многом схожи. Предки обоих перешли с польской службы на русскую: у Сухозанета — отец, у Глинки — еще прапрадед в XVI в. После окончания кадетских корпусов оба стали артиллеристами и получили боевое крещение в войне с Францией 1806–1807 гг. Глинку судьба хранила, Сухозанета же в сражении под Фридландом потоптала вражеская кавалерия, за что он и был более отмечен. 1812 г. оба встретили в конной артиллерии: подполковник Сухозанет — командиром конно-артиллерийской батареи, капитан Глинка — командиром конно-артиллерийской роты. Военские заслуги Сухоза-

нета приумножили Полоцк и Березина, Бауцен и Дрезден, Кульм и Лейпциг, Фер-Шампенуаз и Париж. Не случайно и заслуженно в 1813 г. он был произведен в генерал-майоры, а после взятия Парижа в 1814 г. назначен начальником артиллерии 4-го корпуса. Подвиги Владимира Глинки менее известны, хотя он неоднократно упомянут в популярных записках своих кузенов-литераторов Федора и Сергея Глинок⁴.

Уже в военный период и тем паче — в послевоенный И. О. Сухозанет зарекомендовал себя ярким «фрунтови́ком», о чем с неприязнью вспоминали современники-офицеры (декабристы и не только)⁵. Император был им, очевидно, доволен и в 1819 г. назначил начальником артиллерии гвардейского корпуса.

Местом службы командира конно-артиллерийской бригады подполковника В. А. Глинки в 1818 г. был губернский город Полтава. Здесь в его жизни произошли три важных события: он женился, стал масоном и вступил в Союз благоденствия. Сам Владимир Глинка был дворянином беспоместным: отцовское имение отошло семье старшего брата Григория Глинки, писателя и профессора Дерптского университета. Приданое жены, У. Г. Вишневецкой, составила доля в полтавском имении Фарбованое — шесть сотен десятин земли и сотня крепостных⁶. Брак этот де-факто распался в 1840-е гг., после чего сведения об имении исчезли из формулярных списков В. А. Глинки.

В декабристскую управу и масонскую ложу В. А. Глинку ввел правитель канцелярии малороссийского генерал-губернатора М. Н. Новиков. «Насколько можно судить по дошедшим до нас документам, принимая новых членов в тайные организации, Новиков был весьма разборчив и осмотрителен, — пишет О. И. Киянская. — Количество принятых им участников тайных организаций едва ли превышало 5–6 человек, но среди них были такие выдающиеся деятели, как Павел Пестель и Федор Глинка»⁷. Летом 1818 г. Новиков провел в Петербурге около месяца, и, очевидно, Федор Глинка рекомендовал ему принять своего кузена в декабристское общество.

В мае 1818 г. Новиков создал в Полтаве ложу «Любви к Истине», как полагает большинство исследователей, для отбора новых членов в Союз благоденствия (так были приняты В. А. Глинка и В. Л. Лукашевич)⁸. Однако имеется и иная точка зрения, связывающая учреждение ложи с деятельностью малороссийского генерал-губернатора князя Н. Г. Репнина⁹. После отмены крепостного права в Эстландии и в период подготовки подобных реформ в Курляндии и Лифляндии Александр I надеялся увидеть соответствующие инициативы от дворян Малороссии и Литовско-Виленской губернии. Осенью 1817 г. он совершил вояж по западным губерниям. «Кажется, что цель этой поездки была приготовить мысли жителей этих губерний к свободе крестьян... — вспоминал С. П. Трубецкой. — В речи своей к малороссийским дворянам государь объявил о своем намерении, но в сердцах их не нашел созвучия. Сопротивление ясно проявилось в ответных речах губернских предводителей полтавского и черниговского»¹⁰. В январе 1818 г. Репнин также выступил в дворянских

собраниях Полтавы и Чернигова, призвав слушателей изыскать «способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обеспечить их благосостояние и на грядущие времена определить обязанности их»¹¹. Ложа, объединившая чиновников и военных с выборными лицами дворянского самоуправления, могла служить той же цели: «приготовить мысли жителей этих губерний к свободе крестьян».

Дискуссия о том, какая из названных версий создания ложи «Любви к Истине» более соответствует истине, едва ли оправданна. Потаенные цели императора и декабристов в тот момент оказались столь близки, что требовали одних и тех же действий¹². Здесь важно зафиксировать, что В. А. Глинка был привлечен в тайное общество в момент реализации антикрепостнического проекта. Проект оказался неудачным: уже не в Малороссии, а в Великороссии начался публичный и потому нежелательный спор о крепостном праве (публикация речи Н. Г. Репнина, распространение записок крепостника Н. Г. Вяземского и декабриста А. Н. Муравьева), Александр I был рассержен и в марте 1819 г. повелел закрыть полтавскую ложу (возможно, узнав о ее связях с Союзом благоденствия¹³). И все же Александр в тот момент — наиболее последовательный антикрепостник. Репнин призывал не нарушать «спасительной связи» помещиков и крестьян, Муравьев в записке требовал законодательной регламентации их отношений¹⁴. И даже тайное общество еще не выдвигало требования отмены крепостного права: «Законоположение» Союза благоденствия ограничивалось призывом «склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению»¹⁵.

Первая жена И. О. Сухозанета, Р. И. Гедымин-Бялосор, умерла в 1823 г. На следующий год он женился на княжне Е. А. Белосельской-Белозерской. «Сухозанет большую делает партию», — писал по этому поводу А. Я. Булгаков¹⁶. Благоприобретенная родня помимо прочего владела Катавскими и Юрюзанскими металлургическими заводами в Оренбургской губернии. В январе 1825 г. генерал посетил заводы, при этом дело не обошлось без порки крепостных¹⁷. Год, начатый розгами, Сухозанет завершил картечью 14 декабря на Сенатской площади, где руководил артобстрелом мятежного каре¹⁸. Уже на следующий после восстания день его рвение было вознаграждено генерал-адъютантскими аксельбантами¹⁹.

Дело В. А. Глинки, как причастного к движению декабристов лишь на раннем этапе, Следственный комитет рассмотрел заочно. В столицу полковника не вызывали, хотя и спрашивали о нем у главных деятелей тайных обществ: П. И. Пестеля, Н. М. Муравьева, С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, С. П. Трубецкого и др.²⁰

Вновь пути И. О. Сухозанета и В. А. Глинки пересеклись в 1828 г. под стенами турецкой крепости Шумла. Глинка командовал резервной артиллерией действующей армии²¹ и отличился на глазах Николая I²². Когда же осада Шумлы затянулась, начальником штаба Гвардейского корпуса сюда перевели Сухоза-

нета. За эту кампанию Глинка был пожалован генерал-майором императорской Свиты²³. Польская кампания 1831 г. объединила двух генералов как никогда ранее: генерал-лейтенант Сухозанет был начальником артиллерии действующей армии, генерал-майор Глинка — начальником его штаба. В сражении при Грохове Глинка был ранен осколками гранаты в руку. Сухозанету в битве за варшавское предместье Прага ядром оторвало стопу. Одновременно вступив на боевую стезю, они одновременно ее и покинули.

Дальнейшая их служба носила преимущественно административный характер. Более 20 лет, с 1832 по 1854 г., И. О. Сухозанет занимал место директора Императорской военной академии и, руководствуясь правилом «без науки побеждать возможно, но без дисциплины — никогда», основательно развалил вверенное ему учебное заведение²⁴. Генерал В. А. Глинка состоял в должности главного начальника горных заводов хребта Уральского с 1837 по 1856 г., но память оставил иную: на Урале его называли «наиболее популярным главным начальником»²⁵, а время его управления считали «самым счастливым»²⁶.

Большинство уральских заводов состояло в частном владении. «Устав горный» оговаривал, что «внутреннее хозяйственное управление всего производства частных горных заводов и промыслов зависит совершенно от самих заводчиков»²⁷. Но тот же устав утверждал, что «главный начальник непосредственно подчиняется министру финансов, по местному начальству своему есть главный командир и хозяин заводов» (не делая различий между заводами казенными и частными), и в обязанность ему вменял «соблюдение вообще, как по казенным, так и по частным заводам должного порядка подчиненности, благочиния и повиновения заводских людей, а также попечение о их чести и призрении престарелых, больных и увечных...»²⁸.

В 1828–1830 гг. на Юрюзанских заводах прошли массовые волнения, в ходе которых крепостные жаловались на «несносные человечеству наказания и разные притеснения». В октябре — декабре 1830 г. княгиня А. Г. Белосельская-Белозерская выделила из своих владений Юрюзань-Ивановский и Минский заводы и отдала их в собственность дочери — генеральше Е. А. Сухозанет²⁹. Заводчиком генерал И. О. Сухозанет стал весьма заботливым: редкий год обходился в Юрюзани без его визита. В 1837 г. генерал составил в поучение крепостным «Нравственные юрюзанские записки», представлявшие собой смесь избитых истин и призывов к смирению в бедности. Вот некоторые параграфы этого сочинения: «Почитай и люби своих родителей и своих начальников»; «Страшись праздности, она есть мать всех пороков»; «При работе и за делом будь усерден, а в отдыхе не проводи времени больше, чем нужно»; «Бережливость лучше прибытка»; «Кто нужды не видел, тот и счастья не ценит»; «Добровольное откровенное сознание в проступке есть начало раскаяния; напротив того, отпирательство и желание скрыть сделанный проступок доказывает закоренелость в пороке»³⁰.

Нельзя сказать, что бдительная опека оставалась без результатов. По итогам ревизии 1840 г. В. А. Глинка отнес Юрюзанский завод к числу достигших «во многих частях благоустроенного положения», отметив, что юрюзанские «чугунные изделия так хороши, как нигде на Урале», «сталь, гвозди и топоры приготавливаются отлично хорошо», «лесное хозяйство... может быть названо образцовым», «школы на первый раз довольно хорошие: в них учат аттестованные учителя» и «медицинская часть в образцовом устройстве». Но от его взгляда не укрылась и цена этих достижений: «Каким образом могут пропитать себя половина заводских людей, получающих за работы платы, недостаточные даже для покупки годовой пропорции провианта, нужной для их прокормления? Заводское начальство само понимает такое затруднительное положение своих людей, и потому оно выдает или, лучше, продает в долг по справочным ценам нуждающимся рабочим провиант из запасных своих магазинов. При таком пособии никто из рабочих не терпит голода; но за это половина из них входит год от году в большие, неоплатные долги, которые, переходя от отца к сыну, внуку и правнуку, подавляют в них всякую охоту к трудолюбию»³¹.

В том же году И. О. Сухозанет подал записку министру финансов Е. Ф. Канкрину, в которой изложил свои представления о должных взаимоотношениях заводчиков с государством и рабочими. Мысль о такой записке подал сам министр после возвращения Сухозанета с Урала в 1837 г. Заводчик считал, что в законах недостаточно ясно разграничены обязанности горных властей относительно казенной и частной промышленности. Разделив частные заводы на три типа («посессионные» — основанные государством и переданные в частные руки; «обязанные» — получавшие государственные привилегии и пособия, но всегда бывшие частными; «крепостные-дворянские» — основанные и управляемые без помощи государства), он предлагал для каждого из них «написать полные узаконения, <...> не дозволяя никаких ссылок на правила, для казенных заводов постановленные, потому что это всегда может быть поводом к недоумениям и двусмыслиям».

Отсутствие таких законов, по мнению И. О. Сухозанета, приводило к тому, что деятельность даже лучших администраторов вредила частной промышленности. «Главным начальником Уральского хребта является артиллерии генерал-лейтенант Глинка, человек, обладающий многими качествами, нужными для управления горных заводов: ревность к пользе службы, деятельность, бескорыстие, благородные правила, словом, все ручалось, что горные заводы получают новую жизнь под управлением и покровительством такого человека. Однако же, оказывается, что недостатки узаконений не допускают даже благородного и достойного начальника быть полезным, сколько бы от него ожидать можно было». «Недостатки» проявлялись в возможности властей влиять на внутренние дела частных заводов. «Можно ли не вопиять, когда медицинский чиновник или заводской исправник не только вмешивается, но топчет в грязи распоряжения заводовладельца?» — риторически вопрошал он и при-

ходил к выводу, что «не нужно иметь местных заводских исправников, которых размножение будет для всех вредно».

Таким образом, требование особых «узаконений» для частных заводов диктовалось не столько желанием упорядочить их отношения с государством, сколько стремлением фактически вывести их из правового поля. По мысли Сухозанета, государство должно сохранять некоторые права относительно «посессионных» заводов, меньшие — по отношению к «обязанным» и практически не иметь права вмешиваться в дела «дворянских». Основным аргументом выступала даже не свобода хозяйственной деятельности, а право распоряжаться крепостными по своему усмотрению: «В России не весьма нужно остерегаться жестокости. Дворянам, проводящим всю жизнь свою на службе государевой, которая их образует и приучает к подчиненности законам, гораздо более должно брать меры и направлять к строгой подчиненности массы необразованных, особенно в стране удаленной, наполненной еще менее образованными хищными башкирцами и другими кочевыми племенами магометанского исповедания и с собственным языком»³².

В следующем, 1841 г. на принадлежавшем Демидовым Ревдинском заводе произошло кровопролитное восстание крепостных углежогов. Анализируя причины трагедии в донесении от 17 июля того же года, В. А. Глинка выходил за границы проблем одного завода и утверждал, что «порождают беспокойства не столько злоупотребления местного управления, сколько недостаток постоянного для заводских людей положения и постоянной цены на первую жизненную потребность, т. е. на провиант. В заводах казенных рабочий класс людей получает плат гораздо менее, чем в заводах частных, но там с издания заводских штатов никогда не было и не может быть возмущения потому, что самый последний работник, получая самое небогатое содержание, знает, что содержание это назначено для него верховной властью и что он и семейство его обеспечены провиантом в первой жизненной потребности»³³. Глинка предлагал распространить на все частные заводы штаты казенных заводов, т. е. передать регламентацию работ и их оплаты из ведения заводчиков — горным властям. В период уральской службы Глинки на казенных заводах не случилось ни одного волнения рабочих, да и до него последнее было в 1820 г. на Березовских золотых приисках.

В 1845 г. И. О. Сухозанет пробыл на Урале чуть больше месяца — с 8 июля по 9 августа. В числе иных распоряжений он велел «арестовать, заковать в ножные кандалы и употреблять в работы заводских крестьян: Ивана Долинина и Ерофея Шкунова... за побег и прочее; Анисима Неряхина... за утайку куренных дров; Ивана Слепова и Никиту Коркина... за кражу лошадей; Дмитрия Беляева с сыном его Кузьмою... за кражу, с коими арестована и незаконная первого жена, а последнего мать». Снять наказание заводчик обещал письмом из Петербурга, но этого не исполнил. Лишь 5 октября заводской исправник Лихарев известил В. А. Глинку секретной докладной запиской, что «имеющие силу арестованные люди ходят в оковах ежедневно на работы», а заводская контора «ожидает от Ивана Анофриевича приказаний, когда же оные получатся,

неизвестно»³⁴. Получив докладную, Глинка объявил исправнику строгий выговор и предупредил, что если он еще раз допустит что-либо подобное, то лишится должности.

Сухозанету же Глинка отправил 19 октября образец эпистолярной дипломатии: «Не доверяя конторе в справедливости ее показаний и полагая, что она никогда такого приказа не получала, а ссылкою на него желает только скрыть собственную вину, — я предписал исправнику закованных людей немедленно освободить, потому что 87 ст. 14 тома Св<ода> Зак<онов> (изд. 1842 г.) запрещает налагать оковы даже на подсудимых вплоть до окончательного утверждения о них приговора». И далее: «Доведя до Вашего высокопревосходительства случай сей, я уверен, что распоряжение мое согласно с Вашим собственным желанием, тем более, что подобного рода дела, получив гласность какими-нибудь другими путями, могли бы наделать шуму и неудовольствий и Вам и мне»³⁵. Ответного письма в деле нет.

Генералы не участвовали в журнальных баталиях о крепостном праве. Они были практиками и вели заочный спор языком официальных бумаг. Но позиции обоих были определены недвусмысленно. Сухозанет отстаивал помещичье право на «крещеную собственность», утверждая, что для просвещенных дворян управление крепостными — разновидность государственной службы и обязанность их состоит в том, чтобы «направлять к строгой подчиненности массы необразованных». Государственный контроль над деятельностью дворян-заводчиков представлялся ему излишним и вредным. Позиция Глинки была диаметрально противоположной. Не обсуждая перспективы крепостного права в целом, он настаивал на строгой законодательной регламентации обязанностей и прав заводских работников, исключавшей всевластие заводчиков. Результатом была череда конфликтов Глинки с заводчиками, для части которых (менее влиятельных, чем Сухозанет) дело обернулось учреждением над заводами казенного присмотра или опеки. Требования генерала соответствовали «Законоположению» Союза благоденствия и еще более — записке А. Н. Муравьева 1818 г., хотя говорить о наличии у тайного общества той поры продуманной и оригинальной крестьянской программы еще не приходится.

Старость генералы от артиллерии И. О. Сухозанет и В. А. Глинка встретили в Санкт-Петербурге. Первый из них — в богатстве, в кругу семьи, в собственном доме на Невском проспекте. Юрюзанские рабочие десятками подавались в бег, о тяжести их положения предупреждали уже новые должностные лица, из Лондона о том же писал «Колокол» А. И. Герцена. Второй генерал, не нажив ничего, кроме честного имени, коротал дни в доме племянника. Жена давно его оставила, детей не было. В повести «Верный раб» Д. Н. Мамин-Сибиряк описал жившего в столице бедного старика — бывшего властелина горнозаводского края. Сухозанет умер «от нервного удара» 8 февраля 1861 г., за 11 дней до манифеста об отмене крепостного права. Глинка дожил до крестьянской реформы и скончался 19 января 1862 г.

- ¹ Ильин П. В. Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и обнаруженные участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004.
- ² Модзалевский Б., Сиверс А. Предисловие к изданию 1925 г. // Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 403.
- ³ Шкерин В. А. «...Видно, тайное общество состояло не из одних злоумышленных и безнравственных людей»: к вопросу о феномене «декабристов без декабря» // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 168–178.
- ⁴ Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806, а также Отечественной и Заграничной войны с 1812 по 1815 год. Писаны Федором Глинкою. М., 1815. Ч. IV. С. 79; Ч. VI. С. 99–115; Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 40–41, 82–84, 122–123.
- ⁵ Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 255; Косовский А. И. Воспоминания // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 28; Поджо А. В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 74–75.
- ⁶ ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 43. Оп. 2. Д. 1552. Л. 234.
- ⁷ Киянская О. И. Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб., 2008. С. 281.
- ⁸ Бакунина Т. А. Русские вольные каменщики. Париж, 1934. С. 19–20; Мельгунов С. П. Дела и люди Александровского времени. Берлин, 1923. Т. 1. С. 264; Семевский В. И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 5–6. С. 411; Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 180–182 и др.
- ⁹ Равдин Б. Н., Рогинский А. Б. Записка декабриста М. Н. Новикова «О земледелии и мануфактурах в России» (1816 г.) // Освободительное движение в России. Вып. 5. Саратов, 1975. С. 126; Киянская О. И. Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I. СПб., 2008. С. 284.
- ¹⁰ Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. I. С. 221–222.
- ¹¹ В. Ю. Речь кн. Н. Г. Репнина и дело об ее напечатании // Киевская старина. 1890. Т. 30. Кн. 7. С. 120.
- ¹² Конопка Н., Шкерин В. Три версії історії масонської ложі «Любов до Істини на схід Полтави» // Наукові записки Національного університету «Острозька академія»: Історичні науки. 2011. Вип. 17. С. 318–336.
- ¹³ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 298.
- ¹⁴ Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 136.
- ¹⁵ Законоположение Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 262.
- ¹⁶ Братья Булгаковы. Письма. М., 2010. Т. II. С. 450.
- ¹⁷ Мукомолов А. Ф. На южноуральских заводах. Кн. III. М., 2004. С. 32.
- ¹⁸ 14 декабря 1825 года. Рассказ начальника артиллерии Сухозанета // Русская старина. 1873. Т. VII. Март. С. 361–370.
- ¹⁹ Милорадович Г. А. Список лиц Свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. Киев, 1886. С. 24.
- ²⁰ Восстание декабристов. Документы / Сост. А. В. Семенова; под ред. А. Н. Сахарова. Т. XX. М., 2001. С. 463–467.
- ²¹ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 44. Оп. 1. Д. 454. Л. 17.
- ²² Потоцкий П. Столетие российской конной артиллерии (1794–1894 гг.). СПб., 1894. С. 166.
- ²³ Свита императора Николая I [По порядку назначения]. СПб., 1903. С. 20–21.
- ²⁴ Н. С. Сухозанет Иван Онуфриевич // Русский биографический словарь. СПб., 1912. Суворова — Ткачев. С. 195–196; Тарле Е. В. Сочинения: в 12 т. М., 1957. Т. VIII. С. 68.
- ²⁵ Владимир Андреевич Глинка: Галерея уральских деятелей // Уральское горное обозрение. 1900. № 48. 3 декабря. С. 1–3.
- ²⁶ Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 64.

- ²⁷ Свод учреждений и уставов Горного управления // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1832. Т. 7. Ч. 3. Ст. 392.
- ²⁸ Там же: Ст. 281. П. 3; Ст. 312.
- ²⁹ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южноуральских заводов XVIII–XIX веков: Историко-краеведческие очерки. Уфа, 1985. Ч. 1. С. 195; Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 184–186.
- ³⁰ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 156. Л. 169 – 169 об.
- ³¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 226. Л. 1–8.
- ³² Российский государственный архив древних актов. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 90. Л. 1, 5 об., 7 об., 9–15.
- ³³ Рабочее движение в России в XIX веке: Сб. документов и материалов / Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1955. Т. 1. Ч. 2. С. 277–278.
- ³⁴ ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 162. Л. 1–2.
- ³⁵ Там же. Л. 4–5.

References

Gudkov, G. F., Gudkova, Z. I. *Iz istorii yuzhnoural'skikh zavodov XVIII–XIX vekov: Istoriko-kraevedcheskie ocherki* [From the History of the South Ural Factories of the 18th and 19th Centuries: Historical and Local Studies. In Russ.]. Part 1. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo press, 1985. 454 p.

Il'in, P. V. *Novoe o dekabristakh: Proshchennyye, opravdannyye i neobnaruzhennyye uchastniki tainnykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg.* [New about the Decembrists: Forgiven, Acquitted, and Undiscovered Members of Secret Societies and Military Uprisings in 1825–1826. In Russ.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2004. 664 p.

Kiyanskaya, O. I. *Ocherki iz istorii obshchestvennogo dvizheniya v Rossii v pravlenie Aleksandra I* [Essays on the History of the Social Movement in Russia during the Reign of Alexander I. In Russ.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2008. 301 p.

Konopka, N., Shkerin, V. Tri versii istorii masonskoi lozhi “Lyubov do Istini na skhid Poltavi” [Three Versions of the Story of the Masonic Lodge “Love for Truth in the East of Poltava”. In Ukr.]. In *Naukovi zapiski Nacional'nogo universitetu “Ostroz'ka akademiya”: Istorichni nauki*. 2011. Iss. 17, pp. 318–336.

Mukomolov, A. F. *Na yuzhnoural'skikh zavodakh* [At the South Ural Plants. In Russ.]. Part III. Moscow, Territoriya publ., 2004. 472 p.

Neklyudov, E. G. *Ural'skie zavodchiki v pervoi polovine XIX veka: vladel'tsy i vladeniya* [Ural Factory Owners in the First Half of the 19th Century: Owners and Estates. In Russ.]. Nizhnii Tagil, 2004. 596 p.

Ravdin, B. N., Roginsky, A. B. *Zapiska dekabrista M. N. Novikova “O zemledelii i manufakturakh v Rossii” (1816 g.)* [Mikhail Novikov's Note on Agriculture and Manufactories in Russia (1816). In Russ.]. In *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii*. Saratov, 1975. Iss. 5, pp. 112–143.

Serkov, A. I. *Istoriya russkogo masonstva XIX veka* [The history of Russian Freemasonry of the 19th century. In Russ.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo imeni N. I. Novikova, 2000. 390 p.

Shkerin V. A. “...Vidno, tainoe obshchestvo sostoyalo ne iz odnikh zloumyshlennykh i beznравstvennykh lyudey”: k voprosu o fenomene “dekabristov bez dekabrya” [“...It can be Seen, that the Secret Society Consisted not Only of Malicious and Immoral People”: To the Question of Phenomenon of “Decembrists without December”. In Russ.]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2019. No. 2, pp. 168–178.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. А. Шкерин. Спор двух генералов о крепостном праве // Петербургский исторический журнал. 2025. № 4. С. 56–65. DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_56

Аннотация: Лица, причастные к движению декабристов на раннем этапе и оставившие его не позднее роспуска Союза благоденствия (1821 г.), как правило, избежали наказания. Те, кто был освобожден еще в ходе следствия (часто даже без личного в нем участия) или вышел из судебного процесса полностью очищенным от подозрений, составили половину всех фигурантов (290 человек). Столь значительная доля выявленных и не пострадавших членов тайного общества позволяет предположить, что одним из важных результатов движения декабристов стало воспитание либерально ориентированных деятелей второй четверти и середины XIX в. В статье рассматривается отношение к проблеме эксплуатации труда крепостных работников со стороны двух генералов и крупных администраторов эпохи Николая I. Один из них — главный начальник горных заводов хребта Уральского В. А. Глинка, который в молодости состоял членом Союза благоденствия. Другой — директор Императорской военной академии и владелец металлургических заводов на Урале И. О. Сухозанет, наиболее известный тем, что 14 декабря 1825 г. руководил артиллерийским обстрелом восставших декабристов. Сухозанет отстаивал помещичье право на «крещеную собственность», утверждая, что для просвещенных дворян управление крепостными — разновидность государственной службы, обязанность «направлять к строгой подчиненности массы необразованных». Позиция Глинки была диаметрально противоположна. Не обсуждая перспективы крепостного права в целом, он настаивал на строгой законодательной регламентации обязанностей и прав заводских работников, исключавшей всевластие заводчиков.

Ключевые слова: движение декабристов, Союз благоденствия, крестьянский вопрос, крепостное право, В. А. Глинка, И. О. Сухозанет, история России первой половины XIX в.

FOR CITATION

V. A. Shkerin. A Dispute Between Two Generals about Serfdom // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2025, pp. 56–65. DOI: DOI 10.51255/2311–603X_2025_4_56

Abstract: Those who participated in the Decembrist movement from its inception and disassociated themselves from it no later than the dissolution of the Union of Welfare (1821) were, in general, not subjected to retribution. Those who were released during the investigation (frequently even without personal participation in it) or emerged from the trial completely cleared of suspicion accounted for half of all the defendants (290 people). It is evident that a considerable proportion of individuals belonging to the secret society who evaded retribution and were subsequently punished indicates that one of the primary outcomes of the Decembrist movement was the edification of liberal-oriented figures during the second quarter and the middle of the 19th century. The article examines the attitudes of two generals and major administrators of the Nicholas I era towards the problem of exploitation of the labour of serfs. One such individual is V. A. Glinka, the chief head of the Ural mining plants, who, during his youth, was a member of the Decembrist Union of Prosperity society. The second is the director of the Imperial Military Academy and proprietor of metallurgical enterprises in the Urals, I. O. Sukhozanet, who is most renowned for personally directing the artillery bombardment of the Decembrist rebels on 14 December 1825. Sukhozanet advanced the argument that the manufacturer's right to “baptised property” should be defended, proposing that for enlightened nobles, the management of serfs constituted a form of public service, an obligation to “direct the masses of uneducated people to strict subordination”. Glinka, however, was diametrically opposed to this. Without delving into the broader discourse on the prospects of serfdom, he advocated for stringent legislative oversight of the duties and rights of factory workers, thereby curtailing the prerogatives of the breeders.

Key words: Decembrists movement, Union of Prosperity, peasant question, serfdom, V. A. Glinka, I. O. Sukhozanet, history of Russia in the first half of the 19th century.

Автор: Шкерин, Владимир Анатольевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия).

Author: Shkerin, Vladimir Anatol'evich — Dr. of Sciences in History, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia).

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3925-2873